

Каланходжаева Шафоат Хафиз кизи,
соискатель (PhD) Научно-исследовательском
института «Семья и гендер», город Ташкент,
Республика Узбекистан

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЖИВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ИНТЕГРАТИВНАЯ ТРЁХУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ, КОГНИТИВНО- МОТИВАЦИОННЫХ И СОЦИАЛЬНО- КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ПРЕДИКТОРОВ

УДК 159.9

[HTTPS://DOI.ORG/10.34920/SO/VOL_2026_ISSUE_6_5](https://doi.org/10.34920/so/vol_2026_issue_6_5)

КАЛАНХОДЖАЕВА Ш.Х.-К. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЛЖИВОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ИНТЕГРАТИВНАЯ ТРЁХУРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ, КОГНИТИВНО-МОТИВАЦИОННЫХ И СОЦИАЛЬНО-КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ПРЕДИКТОРОВ

Статья посвящена теоретико-методологическому обоснованию дифференцированной модели лживого поведения студентов в академической среде. Показано, что традиционные подходы к изучению академической нечестности, опирающиеся на унитарные диагностические показатели, не учитывают функциональную неоднородность лживого поведения и не позволяют объяснить противоречивость накопленных эмпирических данных о его предикторах. На основе интеграции отечественной концепции лжи, неправды и обмана В.В.Знакова с функциональным подходом Б.ДеПауло и Д.Кэши предложена дифференцированная четырёхфункциональная модель лжи (самопрезентационная, инструментальная, самозащитная, просоциальная функции). Обоснована интегративная трёхуровневая модель предикторов лживого поведения - личностный, когнитивно-мотивационный и социально-контекстуальный уровни, - объединяющая теорию морального отключения А.Бандуры, теорию нейтрализации Г.Сайкса и Д.Матцы, социально-когнитивную теорию академической нечестности Д.МакКейба и Л.Тревино и теорию социальных норм Р.Чалдини. Отдельно рассмотрена культурно-специфическая обусловленность академической нечестности в постсоветских обществах Центральной Азии. Представлен авторский диагностический инструмент - «Ситуативный опросник социальных функций лжи» (СОСФЛ), - операционализирующий дифференцированную модель, а также научная новизна и гипотезы исследования, подлежащие эмпирической проверке на выборке студентов вузов Республики Узбекистан.

Ключевые слова и понятия: академическая нечестность, лживое поведение, функции лжи, моральное отключение, нейтрализация, ценностные ориентации, институциональный климат, студенты, Узбекистан.

KALANXODJAYEVA SH.X.-Q. AKADEMIK MUHITDA TALABALARNING ALDOV XULQ-ATVORINI FUNKSIONAL JIHATDAN FARQLASH: SHAXSIY, KOGNITIV-MOTIVATSION VA IJTIMOY-KONTEKSTUAL PREDIKTORLARNING INTEGRATIV UCH DARAJALI MODEL

Ushbu maqolada akademik muhitda talabalarning aldov xulq-atvoriga oid differensial modelning nazariy va uslubiy asoslari keltirilgan. Unda ko'rsatilishicha, akademik halollikning buzilishini o'rganishda yagona diagnostik ko'rsatkichlarga tayanadigan an'anaviy yondashuvlar aldov xulq-atvorining funksional jihatdan xilma-xilligini hisobga olmaydi hamda uning prediktorlari bo'yicha to'plangan empirik ma'lumotlarda kuzatiladigan nomuvofiqliklarni izohlab bera olmaydi. V. V. Znakovning yolg'on, haqiqatga to'g'ri kelmaslik va aldovga oid mahalliy kontseptual qarashlari hamda B. DePaulo va D. Kashining funksional yondashuvi uyg'unligi asosida yolg'onning tabaqalashtirilgan to'rt funksiyali modeli (o'zini namoyon etish, instrumental, o'zini himoya qilish va prososial funksiyalarni o'z ichiga olgan) taklif etiladi. Shuningdek, aldov xulq-atvori prediktorlarining shaxsiy, kognitiv-motivatsion va ijtimoiy-kontekstual darajalarni qamrab oluvchi integrativ uch darajali modeli asoslab beriladi; ushbu model A. Banduraning axloqiy mas'uliyatdan voz kechish (moral disengagement) nazariyasi, G. Sayks va D. Matsaning neytrallashtirish nazariyasi, D. Makkeyb va L. Trevinyoning akademik halollikning buzilishiga oid ijtimoiy-kognitiv nazariyasi hamda R. Sialdinining ijtimoiy normalar nazariyasini o'zida mujassamlashtiradi. Tadqiqot Markaziy Osiyoning postsovet jamiyatlarida akademik nohaqlikning madaniy jihatdan o'ziga xos xususiyatini o'rganadi. Unda o'ziga xos diagnostika vositasi - «Yolg'onning ijtimoiy funksiyalari bo'yicha vaziyatga oid so'rovnoma» (SQSFL) taqdim etiladi, u differentsiatsiyalangan modelni, shuningdek, tadqiqotning ilmiy yangiligi va gipotezalarini O'zbekiston Respublikasidagi universitet talabalari namunalari empirik sinovdan o'tkazadi.

Tayanch so'z va tushunchalar: akademik nohaqlik, aldamchi xatti-harakatlar, yolg'onning funksiyalari, axloqiy befarqlik, neytrallashtirish, qadriyatlarga yo'naltirilganlik, institutsional muhit, talabalar, O'zbekiston.

KALANKHODZHAeva SH.KH.-K. FUNCTIONAL DIFFERENTIATION OF STUDENTS' DECEPTIVE BEHAVIOR IN THE ACADEMIC ENVIRONMENT: AN INTEGRATIVE THREE-LEVEL MODEL OF PERSONALITY, COGNITIVE-MOTIVATIONAL, AND SOCIO-CONTEXTUAL PREDICTORS

This article presents a theoretical and methodological rationale for a differentiated model of students' deceptive behavior in the academic environment. It demonstrates that traditional approaches to studying academic dishonesty—which rely on unitary diagnostic indicators—fail to account for the functional heterogeneity of deceptive behavior and cannot explain the inconsistencies found in accumulated empirical data regarding its predictors. Drawing on the integration of V.V.Znakov's domestic conceptualization of lying, untruth, and deception with the functional approach of B.DePaulo and D.Kashy, a differentiated four-function model of lying is proposed (comprising self-presentational, instrumental, self-protective, and prosocial functions). An integrative three-level model of predictors of deceptive behavior—encompassing personal, cognitive-motivational, and socio-contextual levels—is substantiated; this model synthesizes A. Bandura's theory of moral disengagement, G.Sykes and D.Matza's neutralization theory, D.McCabe and L.Treviño's social-cognitive theory of academic dishonesty, and R.Cialdini's social norms theory. The study specifically examines the culturally specific nature of academic dishonesty in the post-Soviet societies of Central Asia. It presents an original diagnostic tool—the «Situational Questionnaire on the Social Functions of Lying» (SQSFL)—which operationalizes a differentiated model, as well as the study's scientific novelty and hypotheses subject to empirical testing on a sample of university students in the Republic of Uzbekistan.

Keywords and concepts: academic dishonesty, deceptive behavior, functions of lying, moral disengagement, neutralization, value orientations, institutional climate, students, Uzbekistan.

Введение.

Честность и доверие составляют фундаментальную основу эффективного функционирования образовательных институтов, поскольку именно на них базируются оценочная справедливость, академическая репутация и качество профессиональной подготовки специалистов. Метаанализ Д.МакКейба, Л.Тревино и К.Батерфилда (McCabe, Trevino & Butterfield, 2001) [39], охвативший более 50 000 студентов США и Канады, показал, что от 50 до 70% обучающихся признаются в использовании тех или иных форм академической нечестности. Сопоставимые показатели демонстрируют и постсоветские исследования: по данным С.В. Голунова (2010) [1] 64% российских студентов хотя бы раз списывали на экзамене, а 42% прибегали к плагиату; А.Ю.Мягков (2020) [7], обследовав студентов российского технического вуза, обнаружил, что более 90% пользуются шпаргалками, а 76% не считают подобное поведение предосудительным.

Несмотря на обширный массив накопленных эмпирических данных, метаанализ Б.Уитли (Whitley, 1998) [56], обобщивший результаты более ста исследований, демонстрирует, что связи личностных и ситуативных факторов с показателями академической нечестности нередко оказываются слабыми, противоречивыми или невоспроизводимыми в разных выборках. Полагаем, что одной из причин подобной противоречивости выступает не отсутствие реальных закономерностей, а методологическая неадекватность самого способа измерения: подавляющее большинство диагностических инструментов операционализирует лживое поведение студентов через унитарный суммарный балл, объединяющий разнородные по своей социально-психологической природе поступки в единый показатель «склонности к нечестности», без учёта того, что ложь в академическом контексте может служить принципиально разным социально-психологическим задачам.

Цель настоящей статьи - теоретико-методологическое обоснование дифференцированной модели лживого поведения студентов, интегрирующей функциональный и многоуровневый подходы к анализу его предикторов, и представление разработанного на этой

основе авторского диагностического инструментария.

Научная новизна и гипотезы исследования.

Научная новизна исследования заключается, во-первых, в разработке дифференцированной четырёхфункциональной модели академической лжи, операционализированной посредством авторского инструмента СОСФЛ, взамен унитарных показателей нечестности; во-вторых, в обосновании интегративной трёхуровневой модели предикторов, позволяющей развести устойчивый личностный вклад, вклад ситуативных когнитивных механизмов-медиаторов и вклад социально-контекстуальных модераторов; в-третьих, в учёте культурно-специфических механизмов нормализации нечестного поведения, характерных для узбекистанского академического контекста и ранее не становившихся предметом систематического эмпирического изучения.

На основе теоретического анализа выдвигаются следующие гипотезы. Во-первых, личностные и когнитивно-мотивационные предикторы будут дифференцированно связаны с различными функциями лжи: интернализированные ценностно-этические установки - преимущественно с более низкой инструментальной и самозащитной ложью, высокая социальная желательность - с более высокой просоциальной ложью. Во-вторых, моральное отключение будет выступать значимым медиатором между личностными предикторами и функциями лжи, причём отключение, направленное на преподавателя, будет теснее связано с инструментальной и самозащитной функциями, а отключение, направленное на сверстников, - с просоциальной и реляционной. В-третьих, восприятие групповых норм и институционального климата будет модерировать связь личностных предикторов с реляционной и просоциальной функциями сильнее, чем с инструментальной и самозащитной.

Методика исследования: Ситуативный опросник социальных функций лжи.

Операционализация дифференцированной модели осуществляется посредством разработанного автором «Ситуативного опросника социальных функций лжи» (СОСФЛ)

- инструмента из четырёх самостоятельных субшкал (инструментальная, самозащитная, просоциальная, реляционная функции), построенных на типовых академических ситуациях (экзамен, взаимодействие с преподавателем, групповая работа), а не на абстрактных внеконтекстных формулировках, характерных для большинства существующих опросников склонности ко лжи. Методическая новизна СОСФЛ по отношению к унитарным шкалам (McCabe, Trevino & Butterfield, 2001) [39] заключается в принципиальном отказе от суммирования разнородных по функции пунктов в единый балл: каждая субшкала измеряется и интерпретируется самостоятельно, что позволяет проверять дифференцированные гипотезы о специфичности связи конкретных предикторов с конкретными функциями лжи. Конвергентная валидность СОСФЛ проверяется путём сопоставления с унитарной шкалой МакКейба и Тревино [38] и методикой «Отношение ко лжи» И.П. Шкуратовой (2007) [10].

Личностный, когнитивно-мотивационный и социально-контекстуальный уровни модели операционализированы соответствующим комплексом психодиагностических методик: методикой ценностных ориентаций М.Рокича [46], шкалой социальной желательности Марлоу-Крауна в адаптации Ю.Л.Ханина, шкалой академического морального отключения (адаптация методики Дж. Детерта с соавторами - Detert, Trevino & Sweitzer, 2008 [28], - восходящей к оригинальной шкале А. Бандуры - Bandura, Barbaranelli, Caprara & Pastorelli, 1996) [16] и авторской шкалой восприятия групповых норм, институционального климата и доверия, построенной по аналогии с индикаторами МакКейба и Тревино (1997) [38] и Чалдини (Cialdini & Trost, 1998) [22].

Ложь, обман, неправда и самообман: понятийное разграничение.

Прежде чем переходить к анализу предикторов лживого поведения, необходимо развести четыре понятия, нередко используемые как синонимы, но обозначающие в психологической и философской традиции качественно различные феномены. Ложь традиционно определяется через три обязатель-

ных компонента: объективное несоответствие высказывания действительности, осознание субъектом этого несоответствия и намерение ввести адресата в заблуждение (Bok, 1978 [19]; Chisholm & Feehan, 1977 [21]; Coleman & Kay, 1981 [23]). В отечественной психологии наиболее разработанную концепцию лжи предложил В.В.Знаков (1999, 2005) [3], [4], определивший её как сообщение, заведомо не соответствующее действительности, произносимое с намерением заставить адресата поверить тому, что сам говорящий считает ложным; при этом ключевым признаком выступает не объективное несоответствие сообщения реальности, а убеждённость самого говорящего в этом несоответствии.

Обман - понятие более широкое по объёму, чем ложь: если ложь всегда реализуется через коммуникативное сообщение, то обман может достигаться и невербальными средствами, умолчанием, инсценировкой (Дубровский, 1994) [2]. Неправда, в отличие от лжи, представляет собой непреднамеренное искажение истины, обусловленное добросовестным заблуждением говорящего, а не намерением обмануть (Знаков, 1999, 2005) [3], [4] - данное разграничение принципиально для операционализации предмета исследования, поскольку диагностический инструментарий должен фиксировать именно случаи осознанного искажения, исключая добросовестное заблуждение. Наконец, самообман представляет собой парадоксальный случай, при котором субъект одновременно является и обманывающим, и обманываемым (Sartre, 1943 [48]; Sackeim & Gur, 1978 [47]); его когнитивные механизмы - избирательное искажение восприятия собственных мотивов, мотивированное вытеснение - пересекаются с рассматриваемыми далее механизмами морального отключения и нейтрализации, хотя и не поддаются прямому самоотчётному измерению.

В настоящем исследовании принимается следующее рабочее разграничение: вслед за В.В.Знаковым ложь понимается как осознанное и намеренное искажение истины, адресованное другому человеку; вместе с тем реальное академическое поведение студентов чаще существует не в форме изолированной вербальной лжи, а как элемент более широкого явления обмана (списывание, плагиат,

фабрикация данных), тогда как собственно ложь в узком смысле слова проявляется при отрицании факта нарушения в разговоре с преподавателем.

Функциональный подход к анализу лжи.

Функциональный подход, в противоположность моралистическому, рассматривает не то, хороша или плоха ложь сама по себе, а то, какую адаптивную социально-психологическую задачу она решает (DePaulo & Kashy, 1998) [24]. В литературе принято выделять четыре функции лжи. Самопрезентационная функция связана с управлением производимым впечатлением (Goffman, 1959 [30]; Schlenker, 1980) [49]: личностная озбоченность впечатлением устойчиво положительно связана с частотой лжи (Kashy & DePaulo, 1996) [33]). Инструментальная функция связана с целенаправленным получением выгоды; более высокая частота лжи коррелирует с манипулятивностью и инструментальным отношением к контактам (DePaulo & Kashy, 1998) [24], что согласуется с теорией атрибуции Б.Вайнера (Weiner, 1985) [55]). Защитная функция направлена на предотвращение неблагоприятных последствий для Я-концепции: уже у детей 3–8 лет большинство нарушивших запрет отрицают сам факт нарушения (Talwar & Lee, 2008) [53], что согласуется с теорией когнитивного диссонанса (Festinger, 1957) [27]. Просоциальная функция направлена на сохранение отношений и группы, а не на индивидуальную выгоду (DePaulo & Kashy, 1998 [24]; Tajfel & Turner, 1979 [52]).

Принципиальное методологическое значение имеет установленная избирательность связей: качество близких дружеских отношений отрицательно связано с общей частотой лжи, но положительно - с долей именно просоциальной лжи в общей структуре высказываний (Kashy & DePaulo, 1996) [33], то есть один и тот же предиктор одновременно снижает общий уровень лживого поведения и повышает удельный вес одной его функции. При использовании унитарного показателя подобные разнонаправленные связи взаимно нивелируются и становятся статистически неразличимыми - что и объясняет, на наш взгляд, отмеченную выше противоречи-

вость данных (Whitley, 1998) [56]. Интеграция функционального подхода ДеПауло и Кэши с субъективно-структурным подходом Знакова составляет теоретическое ядро настоящего исследования: ложь понимается как осознанное искажение истины, но операционализируется не унитарным баллом, а дифференцированно - через четыре социальные функции.

Академическая нечестность как предметная область.

Академическая честность определяется в современной литературе не через отрицание, а как самостоятельная система ценностей: Центр академической честности (CFAI, 1999) выделяет пять фундаментальных ценностей - честность, доверие, справедливость, уважение, ответственность, - к которым позднее добавлена шестая, мужество (Fishman, 2014) [29]. Наиболее влиятельная типология форм её нарушения принадлежит Г.Павеле (Pavela, 1997) [43] и включает жульничество, подделку данных, плагиат и содействие недобросовестности; Б.Уитли и П.Кит-Спигел (Whitley & Keith-Spiegel, 2001) дополнили её категориями введения в заблуждение и саботажа - независимо аналогичную категорию саботажа предлагает и российское исследование А.Ю.Мягова (2020) [7], что указывает на устойчивую востребованность этой категории в разных национальных контекстах.

Операциональные шкалы измерения нечестности - композитная методика Д. МакКейба и Л. Тревино (McCabe, Trevino & Butterfield, 2001) [39]) и построенный на эмпирическом материале российского технического вуза перечень А.Ю.Мягова (2020) [7] - демонстрируют существенную неоднородность распространённости конкретных форм нарушений: если шпаргалками пользуются свыше 90% опрошенных, то покупкой готовой работы - лишь каждый третий (Мягов, 2020) [7]. Показательно также, что распространённость варьирует по типу вуза: списывание распространено в гуманитарных вузах втрое чаще, чем в экономических и медицинских, тогда как плагиат, напротив, чаще встречается именно в гуманитарных и экономических вузах по сравнению с техническими (Шмелева, 2016) [11].

Интегративная трёхуровневая модель предикторов лживого поведения.

Личностный уровень.

Ценностные ориентации организуют мотивацию личности в надситуативную систему приоритетов (Rokeach, 1973) [46]; циркулярная модель Ш.Шварца (Schwartz, 1992) [50] противопоставляет ценности самоутверждения ценностям самопревосхождения. Эмпирически показано, что ценности самоутверждения положительно связаны с академической нечестностью, а социально ориентированные ценности - отрицательно, причём эта связь опосредована воспринимаемой оправданностью нечестного поведения и модулируется успеваемостью (Koscielniak & Wojanowska, 2019) [34]. Честность может рассматриваться и как самостоятельная личностная черта в рамках модели HEXACO (Ashton & Lee, 2007) [14]: низкие показатели фактора «Честность - Скромность» устойчиво связаны с манипулятивными тактиками и толерантностью к нарушению норм независимо от ситуативного расчёта выгод и издержек, что подтверждается и экспериментально зафиксированным феноменом «чистого неприятия лжи» (pure lie aversion) - части испытуемых, отказывающихся от нечестного поведения при любом сочетании риска и выгоды (Rigby, Burton, Balcombe, Bateman & Mulatu, 2015) [45].

Моральная идентичность - степень центральности моральных черт для Я-концепции (Aquino & Reed, 2002) [13] - эмпирически выступает самостоятельным предиктором: трёхволновое исследование Дж. Детерта с коллегами (Detert, Trevino & Sweitzer, 2008) [25] показало, что моральная идентичность снижает склонность к моральному отключению, которое, в свою очередь, медирует связь с неэтичными решениями; диспозиционная эмпатия действует аналогичным образом, тогда как диспозиционный цинизм повышает моральное отключение и сохраняет прямую связь с неэтичным поведением даже при контроле медиатора. Социальная желательность занимает промежуточное положение: её связь с общей частотой лжи слаба, но при этом социально желательные испытуемые демонстрируют более высокую долю именно

просоциальной лжи (Kashy & DePaulo, 1996) [33], что связано с двойственной природой самого конструкта - он отражает как реальную выраженность одобряемых качеств, так и склонность к самоприукрашиванию (Paulhus, 1991) [44].

Когнитивно-мотивационный уровень.

Моральное отключение - совокупность когнитивных механизмов, позволяющих совершать действия, противоречащие собственным моральным стандартам, без переживания вины (Bandura, 1990) [6] - включает восемь механизмов: моральное оправдание, эвфемистическое обозначение, выгодное сравнение, смещение и диффузию ответственности, искажение последствий, дегуманизацию и атрибуцию вины (Bandura, Barbaranelli, Caprara & Pastorelli, 1996) [16]. Специализированная академическая версия методики (Farnese, Tramontano, Fida & Paciello, 2011) [26] выявила двухфакторную структуру - отключение, направленное на преподавателя, и отключение, направленное на сверстников, - которые в равной степени предсказывают нечестность ($R^2 = 0,50$). Трёхволновое лонгитюдное исследование (Fida, Tramontano, Paciello, Ghezzi & Barbaranelli, 2018) [28] обнаружило реципрокную связь: не только моральное отключение предсказывает последующую нечестность, но и сама нечестность усиливает моральное отключение - процесс «моральной десенсибилизации».

Теория нейтрализации Г.Сайкса и Д.Матцы (Sykes & Matza, 1957) [51], первоначально разработанная для делинквентного поведения подростков, выделяет пять техник оправдания нарушения без пересмотра собственных норм - отрицание ответственности, отрицание вреда, отрицание жертвы, осуждение осуждающих и апелляцию к приоритетным ценностям. Качественное исследование М.Лиги и К.Трасберг (Ligi & Trasberg, 2014) [35] показало, что техники нейтрализации проявляются у студентов спонтанно, при обсуждении поведения других, а не собственного, - асимметрия, значимая методологически: измерение нейтрализации через прямые вопросы о собственном поведении может систематически недооценивать её реальную роль.

Интегративная мотивационная модель Т.Мёрдока и Э.Андермана (Murdock & Anderman, 2006) [40] объединяет академическую мотивацию, самооффективность, цели достижения и страх неудачи. Показано, что связь целей достижения с нечестностью носит ситуативный, а не диспозиционный характер: один и тот же студент демонстрирует разный уровень мотивации мастерства в разных курсах, причём именно в тех, где он списывает (Jordan, 2001) [32]. Самооффективность связана с нечестностью не только напрямую, но и опосредованно - через снижение тестовой тревожности (Niaz, Niaz & Mukhtar, 2025) [41] и через модерацию воспринимаемых санкций (Ogilvie & Stewart, 2010) [42]; при этом медирующая роль целей достижения между личностными предикторами и нечестностью получила прямую эмпирическую проверку методом опосредованной модерации (Baran & Jonason, 2020) [17].

Социально-контекстуальный уровень.

Теория социальных норм Р.Чалдини (Cialdini & Trost, 1998) [22] разграничивает дескриптивные нормы (восприятие распространённости поведения) и инъюнктивные нормы (восприятие его одобрения группой). Мультикампусное исследование Д.МакКейба и Л.Тревино (McCabe & Trevino, 1997, N=1793) [38] показало, что контекстные факторы - неодобрение списывания близким окружением, воспринимаемая частота списывания сверстниками - объясняют втрое большую долю дисперсии нечестности (27%), чем личностные факторы (9%); аналогичные закономерности воспроизведены на российской (Сивак, 2006) и словацкой (Савицки) выборках, включая роль качества отношений с преподавателем.

Институциональная культура - не формальное наличие кодекса чести, а степень его интернализации сообществом (McCabe & Trevino, 1993) [37]; кросс-культурное сравнение (Ligi & Trasberg, 2014) [35] показало, что независимо от типа регламентации (США, Эстония, Финляндия) осведомлённость студентов о конкретном содержании правил остаётся низкой. Доверие к преподавателю и институту (Mayer, Davis & Schoorman, 1995) [36] выступает опосредующим звеном,

транслирующим влияние институциональной культуры на индивидуальное поведение; на макросоциальном уровне доверие к верховенству закона в целом связано с готовностью следовать формальным нормам (Gong & Xiao, 2017) [31]. Наконец, рационально-экономическая модель Г. Беккера (Becker, 1968) [18] получает существенное эмпирическое уточнение: воспринимаемый стыд предсказывает нечестность сильнее, чем объективная вероятность обнаружения (Ogilvie & Stewart, 2010) [42], а часть испытуемых демонстрирует категорический отказ от нечестности независимо от параметров риска и выгоды (Rigby et al., 2015) [45] - то есть модель издержек и выгод объясняет поведение лишь той подгруппы, для которой нечестность в принципе рассматривается как допустимая опция.

Культурно-специфический контекст: Республика Узбекистан.

Применительно к постсоветским обществам Центральной Азии объяснительная сила индивидуалистических моделей рационального выбора и институционального контроля существенно ограничена. Этнографическое исследование Р.Уринбоева (Urinboyev, 2019) [54], выполненное на материале Ферганской долины, показывает, что неформальные практики в узбекском обществе встроены в систему коллективных обязательств перед семейно-родственной группой (урут) и территориальной общиной (махалля); реальным регулятором поведения выступает не столько формальный закон, сколько внутренние нормы этих ассоциаций - репутация, взаимопомощь, избегание социального осуждения. Показателен описанный автором случай восстановления социального статуса клана через коллективно организованное поступление родственника в вуз по неформальным связям (tanish-bilish) - иллюстрация того, что нечестное академическое поведение может обслуживать не индивидуальную, а семейно-клановую просоциальную функцию.

Перенесённая в академическую среду, данная логика позволяет предположить, что списывание или взаимопомощь на экзамене интерпретируются студентами узбекистанских вузов не как индивидуальное нарушение формального правила, а как проявление лояль-

ности группе, что сближает просоциальную и реляционную функции лжи с более широким культурным паттерном коллективной взаимопомощи (Каримова, 1994, 2012) [5], [6]. Данное положение согласуется и с современным узбекистанским психологическим курсом о природе лжи (Шукурова, 2025) [12], отмечающим роль когнитивного диссонанса (Festinger, 1957) [27] и социального конформизма (Asch, 1951) в принятии обществом лживого поведения - механизм, существенно совпадающий с описанной выше теорией социальных норм.

Заключение.

Предложенная дифференцированная модель функций лжи и интегративная трёхуровневая система её предикторов соз-

дают теоретико-методологическую основу для эмпирического исследования, результаты которого позволят не только уточнить структуру детерминации лживого поведения в академической среде, но и разработать научно обоснованные, дифференцированные по функциям программы профилактики академической нечестности в системе высшего образования Республики Узбекистан. Дальнейшая работа предполагает эмпирическую проверку выдвинутых гипотез на выборке студентов узбекистанских вузов с использованием представленного диагностического комплекса.

Список использованной литературы:

1. Голунов С.В. Студенческий плагиат как вызов системе высшего образования в России и за рубежом // Вопросы образования. - 2010. - №3. - С. 243–257.
2. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. - М., 1994.
3. Знаков В.В. Психология понимания правды. - СПб.: Алетейя, 1999. - 281 с.
4. Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. - М.: Институт психологии РАН, 2005. - 448 с.
5. Каримова В.М. Ижтимоий психология асослари. - Тошкент, 1994.
6. Каримова В.М. Ижтимоий психология. - Тошкент: Fan va texnologiya, 2012.
7. Мягков А.Ю. Академическая нечестность студентов как угроза образовательной среде вуза // Психологически безопасная образовательная среда: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. - Иваново: Издательский дом «Среда», 2020. - С. 215–218.
8. Савицки С. Факторы, влияющие на студентов, занимающихся списыванием [требуется уточнение выходных данных].
9. Сивак Е.В. Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов (плагиата и списывания). Препринт WP10/2006/06. - М.: ГУ ВШЭ, 2006.
10. Шкуратова И.П. Виды лжи и отношение ко лжи // Прикладная психология. - 2007.
11. Шмелева Е.Д. Плагиат и списывание в российских вузах: роль образовательной среды и индивидуальных характеристик студента // Вопросы образования. - 2016. - №1. - С. 84–109.
12. Шукурова Х.Б. Ложь и ее правильное принятие (психологический, морально-социальный анализ) // Oriental Renaissance. - 2025. - Т. 5, №4. - С. 89–94.
13. Aquino K., Reed A. The Self-Importance of Moral Identity // Journal of Personality and Social Psychology. - 2002. - Vol. 83, No. 6. - P. 1423–1440.
14. Ashton M.C., Lee K. Empirical, Theoretical, and Practical Advantages of the HEXACO Model // Personality and Social Psychology Review. - 2007. - Vol. 11, No. 2. - P. 150–166.
15. Bandura A. Mechanism of Moral Disengagement // Origins of Terrorism / Ed. W. Reich. - Cambridge: Cambridge University Press, 1990. - P. 161–191.

16. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G.V., Pastorelli C. Mechanisms of Moral Disengagement in the Exercise of Moral Agency // *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1996. - Vol. 71, No. 2. - P. 364–374.
17. Baran L., Jonason P.K. Academic Dishonesty among University Students: The Roles of the Psychopathy, Motivation, and Self-Efficacy // *PLOS ONE*. - 2020. - Vol. 15, No. 8. - e0238141.
18. Becker G.S. Crime and Punishment: An Economic Approach // *Journal of Political Economy*. - 1968. - Vol. 76, No. 2. - P. 169–217.
19. Bok S. Lying: Moral Choice in Public and Private Life. - New York: Pantheon Books, 1978.
20. CFAI (Center for Academic Integrity). The Fundamental Values of Academic Integrity. - Des Plaines: Oakton Community College, 1999.
21. Chisholm R.M., Feehan T.D. The Intent to Deceive // *The Journal of Philosophy*. - 1977. - Vol. 74. - P. 143–159.
22. Cialdini R.B., Trost M.R. Social Influence: Social Norms, Conformity, and Compliance // *The Handbook of Social Psychology*. - Boston: McGraw-Hill, 1998. - P. 151–192.
23. Coleman L., Kay P. Prototype Semantics: The English Word Lie // *Language*. - 1981. - Vol. 57, No. 1. - P. 26–44.
24. DePaulo B.M., Kashy D.A. Everyday Lies in Close and Casual Relationships // *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1998. - Vol. 74, No. 1. - P. 63–79.
25. Detert J.R., Trevino L.K., Sweitzer V.L. Moral Disengagement in Ethical Decision Making // *Journal of Applied Psychology*. - 2008. - Vol. 93, No. 2. - P. 374–391.
26. Farnese M.L., Tramontano C., Fida R., Paciello M. Cheating Behaviors in Academic Context: Does Academic Moral Disengagement Matter? // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. - 2011. - Vol. 29. - P. 356–365.
27. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. - Stanford: Stanford University Press, 1957.
28. Fida R., Tramontano C., Paciello M., Ghezzi V., Barbaranelli C. Understanding the Interplay Among Regulatory Self-Efficacy, Moral Disengagement, and Academic Cheating Behaviour // *Journal of Business Ethics*. - 2018. - Vol. 150, No. 3. - P. 799–819.
29. Fishman T. The Fundamental Values of Academic Integrity. 2nd ed. - Clemson: International Center for Academic Integrity, 2014.
30. Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. - New York: Doubleday, 1959.
31. Gong T., Xiao H. Socially Embedded Anti-Corruption Governance: Evidence from Hong Kong // *Public Administration and Development*. - 2017. - Vol. 37, No. 3. - P. 176–190.
32. Jordan A.E. College Student Cheating: The Role of Motivation, Perceived Norms, Attitudes, and Knowledge of Institutional Policy // *Ethics & Behavior*. - 2001. - Vol. 11, No. 3. - P. 233–247.
33. Kashy D.A., DePaulo B.M. Who Lies? // *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1996. - Vol. 70, No. 5. - P. 1037–1051.
34. Koscielniak M., Bojanowska A. The Role of Personal Values and Student Achievement in Academic Dishonesty // *Frontiers in Psychology*. - 2019. - Vol. 10. - Article 1887.
35. Ligi M., Trasberg K. University Students' Reasons for Committing Academic Fraud and Knowledge About Regulations // *Вопросы образования*. - 2014. - №4. - С. 184–208.
36. Mayer R.C., Davis J.H., Schoorman F.D. An Integrative Model of Organizational Trust // *Academy of Management Review*. - 1995. - Vol. 20, No. 3. - P. 709–734.
37. McCabe D.L., Trevino L.K. Academic Dishonesty: Honor Codes and Other Contextual Influences // *Journal of Higher Education*. - 1993. - Vol. 64, No. 5. - P. 522–538.

38. McCabe D.L., Trevino L.K. Individual and Contextual Influences on Academic Dishonesty: A Multicampus Investigation // *Research in Higher Education*. - 1997. - Vol. 38, No. 3. - P. 379–396.
39. McCabe D.L., Trevino L.K., Butterfield K.D. Cheating in Academic Institutions: A Decade of Research // *Ethics & Behavior*. - 2001. - Vol. 11, No. 3. - P. 219–232.
40. Murdock T.B., Anderman E.M. Motivational Perspectives on Student Cheating // *Educational Psychologist*. - 2006. - Vol. 41, No. 3. - P. 129–145.
41. Niaz A., Niaz U., Mukhtar A. The Role of Academic Self-Efficacy in Predicting Academic Performance and Test Anxiety // *Open Access Education and Leadership Review*. - 2025. - Vol. 2, No. 2. - P. 54–60.
42. Ogilvie J., Stewart A. The Integration of Rational Choice and Self-Efficacy Theories // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. - 2010. - Vol. 43, No. 1. - P. 130–155.
43. Pavela G. Applying the Power of Association on Campus: A Model Code of Academic Integrity // *Journal of College and University Law*. - 1997. - Vol. 24, No. 1.
44. Paulhus D.L. Measurement and Control of Response Bias // *Measures of Personality and Social Psychological Attitudes*. - San Diego: Academic Press, 1991. - P. 17–59.
45. Rigby D., Burton M., Balcombe K., Bateman I., Mulatu A. Contract Cheating & the Market in Essays // *Journal of Economic Behavior & Organization*. - 2015. - Vol. 111. - P. 23–37.
46. Rokeach M. The Nature of Human Values. - New York: Free Press, 1973.
47. Sackeim H.A., Gur R.C. Self-Deception, Self-Confrontation, and Consciousness // *Consciousness and Self-Regulation*. Vol. 2. - New York: Plenum Press, 1978. - P. 139–197.
48. Sartre J.-P. L'Être et le néant. - Paris: Gallimard, 1943.
49. Schlenker B.R. Impression Management. - Monterey: Brooks/Cole, 1980.
50. Schwartz S.H. Universals in the Content and Structure of Values // *Advances in Experimental Social Psychology*. - 1992. - Vol. 25. - P. 1–65.
51. Sykes G.M., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency // *American Sociological Review*. - 1957. - Vol. 22, No. 6. - P. 664–670.
52. Tajfel H., Turner J.C. An Integrative Theory of Intergroup Conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations*. - Monterey: Brooks/Cole, 1979. - P. 33–47.
53. Talwar V., Lee K. Social and Cognitive Correlates of Children's Lying Behavior // *Child Development*. - 2008. - Vol. 79, No. 4. - P. 866–881.
54. Urinboyev R. Everyday Corruption and Social Norms in Post-Soviet Uzbekistan. Working Paper No. 19. - Gothenburg: University of Gothenburg, 2019. - 31 p.
55. Weiner B. An Attributional Theory of Achievement Motivation and Emotion // *Psychological Review*. - 1985. - Vol. 92, No. 4. - P. 548–573.
56. Whitley B.E. Factors Associated with Cheating Among College Students: A Review // *Research in Higher Education*. - 1998. - Vol. 39, No. 3. - P. 235–274.